

НЕНОРМАТИВНЫЙ АНЕКДОТ КАК МОДЕЛИРУЮЩАЯ СИСТЕМА

ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Речь пойдет о восходящем к миру традиционной культуры ненормативном пласте фольклора. Научные судьбы этой сферы отечественной словесности весьма драматичны. Репрессивная православная культура, раздражающая целостный мир на бестелесное, «духовное» должное и низкий профанный мир эмпирического сущего, плюс сакральное отношение к написанному и, особенно, напечатанному тексту задали табуацию к написанию всего того, что было отнесено к сфере ненормативного.

Сам этот разрыв связан с христианизацией Руси. Относящееся к телесному низу, табуированное в новой картине мира однозначно осталось в сфере устно-фольклорного. Сфера же письменного не менее однозначно ограничена сакральной нормативностью. В архаическом сознании любой написанный и тем более напечатанный текст несет на себе образ скрижали. Сакральные коннотации печатного текста закрепились в двух речевых конструкциях: «печатать Государева» и «печатать Антихристового». При том что понятие «печатать» выступает здесь как амбивалентное, оно соотносится с двумя инстанциями высшего уровня сакральности. Таким образом, «печатное» неотделимо от «печати» — ангельской, государевой, антихристовой.

В таком случае всякий печатный текст читается как развернутая и каноническая версия мифа. Текст может быть специализирован в некоторой предметной сфере, но должен нести в себе (желательно, в самом начале) конспектные отсылки к Создателю, акту творения и разворачивания космоса. Вспомним традицию летописания: изложение событий начинается с сотворения мира. А далее, в особом конспективном блоке, летописец доводит его до описываемой эпохи. Синкретическое сознание требует целостной картины, в которой князь Мстислав Мстиславич (Удалой) или битва при реке Сити встраиваются в развернутую модель Вселенной.

Советская традиция (и это совершенно закономерно) воспроизвела архаическую модель. Серьезная научная статья, монография, диссертация в вводных отделах содержали, во-первых, отсылки к классикам марксизма-ленинизма и, во-вторых, отсылки к решениям очередных съездов или плену-

мов ЦК КПСС. Иными словами, в текстах поминались власть — небесная и земная, предвечная и актуальная, имя Божье и Государево, а космологическая пролигомена сворачивалась до поминания имен. Формальным поводом для подобных отсылок было обоснование актуальности темы исследования. На самом деле автор свидетельствовал о верноподданности и идеологической правоте, а читатель, приступая к чтению, получал заверение в том, что в его руках «наш», правильный вариант картины мира.

Такое отношение к печатному тексту обрекает его на моделирование нормативной картины Вселенной. Печатное всегда тождественно «должному», или автомодели культуры. А все, что выпадает из автомодели и отнесено к артефактам, не может быть напечатано. Подчеркнем, речь идет именно о печатном тексте. Веками на российских заборах подростки пишут «хуй», и это никого не трогает. Снять описанное отношение к печатному тексту может только секуляризация, которую мы, собственно, и переживаем.

При этом «низкое» целиком и полностью оставалось в мире культурной практики, в изменчивой стихии фольклора. А оперирующая текстами сфера научного знания — оставалась обречена на выхолащенную, заведомо фрагментарную модель, притягивающую, тем не менее, на представление целого. Надо сказать, что этнографическая фиксация ненормативного материала велась хотя и от случая к случаю, но достаточно давно. Однако публикаторская деятельность была весьма скудной, весьма случайной и не складывалась в самостоятельное направление. Можно говорить о периферии научного процесса, доступной для обозрения лишь целеустремленным специалистам, располагающим доступом к крупным библиотекам. Таким образом, в сферу артефактов провалилась целая область народной культуры. Огромный пласт словесности оказался за рамками теоретической мысли. Лишь в последнее время положение начинает меняться¹.

Сейчас эта область исследований переживает этап публикации и систематизации материала. Как представляется, в высшей степени продуктивна культурологическая интерпретация ненормативной словесности. В силу специфического культурного статуса, связанного с выделенностью, запрещенностью, потаенностью, особой экспрессивностью, обращением к высокозначимой для любого человека сфере репродуктивной активности и телесному низу, тесным, генетическим, родством с языческой архаикой, рассматриваемый пласт фольклора хранит в себе сложные конструкции космогонического, этического, смысловожизненного характера. Наряду с тривиальными виршами и примитивными построениями он включает в себя сюжеты, возвышающиеся до уровня мифологического.

¹ Прежде всего, легализовался и оформился пласт современной художественной литературы, использующей ненормативный язык, который осваивается литературоведением. Далее идет развернутая публикаторская работа. В этом ряду можно упомянуть как разрозненные публикации классики настоящего жанра, так и систематическую публикаторскую и теоретическую работу в рамках серии «Русская потаенная литература», издаваемой с 1992 года.

Обратимся к конкретному анекдоту. Впервые автор услышал его в 1980 или 1981 году. Затем много раз выступал рассказчиком и слушателем. Сюжет гарантированно срабатывал в любой аудитории (разумеется, готовой к восприятию ненормативного текста).

Итак: «Летит по небу Пиздец Всему. Настроение у него — хуже некуда. Одним словом, пиздец всему. Видит — внизу чистенький город. Посылает ураган. Рушатся дома, падают башни. Летит дальше. Под ним — купы деревьев, дубы вековые. Бросает молнию. Пожар. Летит дальше. Под ним все поля, поля. Глядь, посреди полей избушка. Кидает молнию, а избушка как стояла, так и стоит. Пиздец Всему даже удивился, лег на крыло. Посылает ураган. Избушка стоит. Он совсем изумился. Спускается, заходит внутрь. Смотрит — обычная такая избенка. А в самом углу на полу спит Все Похую».

Зададимся вопросом: что порождало радостный смех слушателей? Сознавая, что проблемы психологии и культурологии смешного относятся к одним из самых сложных, попытаемся все же продвинуться вглубь культурных смыслов и образов этого текста.

Первое соображение, которое приходит на ум, связывает успех анекдота с гипостазированием речевых конструкций, обозначающих, соответственно, крайнюю, выходящую на уровень катастрофы неприятность и крайнюю степень индифферентности, субъективной невосприимчивости к воздействию любых жизненных катастроф. Идеи предельной неприятности и крайней индифферентности обретают некий телесный образ. (Трудно сказать, антропоморфный или зооморфный. Скорее антропоморфный.) Причем в этой телесности присутствует отсылка к табуированным обозначениям женских и мужских гениталий. Такой ход мысли будит нашу зрительную фантазию. Парадоксализует ситуацию и обновляет восприятие мира. Иными словами, несет в себе нечто катарсическое. Все так, но этого явно недостаточно.

Зададимся вопросом: что можно сказать относительно сущности «Пиздеца Всему»? Судя по анекдоту, это — враждебная человеку стихийная сила. Некая катастрофа, постигающая застигнутого врасплох. Надо сказать, что перед нами редкий случай, когда можно быть уверенным в правоте наших интерпретаций, поскольку они подтверждаются другим источником — шуточной эвфемистической зашифровкой, в которой «пиздец» раскрывается как «полный крах из шести букв».

Но если обратиться к реальному бытованию рассматриваемой ненормативной конструкции, к сумме контекстов словоупотребления — обнаруживается совершенно иная картина. Всякий человек, хоть сколько-нибудь знакомый с отечественной словесностью и чуткий к нюансам живого великорусского языка, увидит, что смысловое поле выражения «пиздец всему» разительно отличается от заявленного. Ни один носитель языка не скажет «пиздец всему» по поводу несчастья, болезни или смерти близкого человека.

На самом деле «пиздец» — крупная неприятность, даже катастрофа, наступающая в результате действий того, кого она постигает. Если жена уехала в командировку, а вы на радостях привели в дом даму сомнительного поведения, которая не только заразила вас добротным триппером, но и обчисти-

ла квартиру, унеся драгоценности жены, — это «пиздец». А если уехавший в отпуск шеф поручил вам получить сотню тысяч долларов «черным налом» и вы, решив заработать за спиной хозяина, положили их в банк на пару недель, а банк лопнул — это «пиздец всему». Язык неопровержимо свидетельствует: «пиздец всему» — закономерное воздаяние за подлинно распиздяйскую безответственность.

Может быть, такая подмена происходит только в данном анекдоте? Нет. Язык прямо настаивает на том, что «пиздец» — стихийное бедствие. Такое понимание закреплено в расхожем выражении «пиздец подкрался незаметно». Однако нежелательные последствия собственного поведения всегда ожидаемы. Их можно бояться и избегать, но нельзя не знать о возможности расплаты. Последствия *наступают*. Так язык открывает нам фундаментальную смысловую подмену. Заслуженное воздаяние трактуется вполне взрослыми людьми как иррациональное стихийное бедствие, падающее на головы несчастных. За спиной «Пиздеца Всему» встает вечный и неотвратимо иррациональный образ российской Судьбы. И здесь мы имеем дело с архаической, доличностной традицией понимания человеческой природы.

Вспомним устойчивую, сохраняющуюся из поколения в поколение (если не из века в век) сцену: сердобольная старушка рассказывает о своем сыне или внуке, совершившем преступление и томящемся ныне в неволе. История раскрывается так, что «родная кровинушка» предстает объектом воздействия людей-вредоносов — «с плохой компанией связался», «дружки пьющие», «подлец начальник подбил», «жена-гадюка тянула из него деньги». Или стихийных сил и неподвластных человеку аффектов — «по пьяному делу», «вспылил», «в драке стенка на стенку» и т.д. Одним словом, как поется в одной старой песне: «Тут, ей-прав, сам черт не разберет. Из-за бабы, лживой и лукавой, вдруг всадил товарищу я нож...»². Завершаются такие истории, как правило, сентенцией: «Знать, такая судьба». Самая идея субъектности родного человека и моральной оправданности наказания в подобном космосе непредставима. Образ «своего», то есть собственно человека (в отличие от «чужих» — не наших, вредоносов), трактуется в чисто объектной модальности, а «плавание по морю житейскому» видится как траектория шепки, несомой потоком Судьбы. Ровно то же понимание преступления и наказания доносит до нас романс девятнадцатого века «Не слышно шума городского». Как, впрочем, и лагерная поэзия века двадцатого. Перед нами целостная жизненная философия, живо напоминающая систему высказываний шестилетнего ребенка, личные вещи которого «потерялись», дорогая любимая игрушка «поломалась», а папина чашка, трогать которую запрещено, «разбилась».

Как же можно объяснить такое несоответствие? А вот как: наша культура находится в начальной стадии разворачивания личностного сознания. Идея личной ответственности и закономерности воздаяния *уже проникла* в

² В подобных текстах в высшей степени характерно это «вдруг», которое несет в себе указание на поступь Командора. В России все случается вдруг, откуда ни возьмись, внезапно-негаданно (совсем как «Пиздец Всему» для обитателей города, леса и одинокой избушки). И в этой неожиданности — дыхание Судьбы.

живой язык, ибо ненормативная лексика — один из самых живых, развивающихся и активно употребляемых пластов русского языка. Однако сознание *еще не желает* мириться с этим.

Повторим, ненормативный русский — один из самых активных, развивающихся пластов нашего языка. Сфера репродуктивного является постоянно актуализуемым полем самых разнообразных ассоциаций, шуток, намеков. Внимание культурного субъекта к данному аспекту бытия и способность пропустить целую Вселенную, во всем ее многообразии, через эту специфическую призму не знает границ. Ненормативный язык — ключевая часть этого вечно актуального пласта культуры. В одном из санаториев Литфонда автору довелось столкнуться со следующей классификацией отдыхающих: «писи», «неписи», «писдочки», «мудописы». Обозначавшей, соответственно: писателей, не писателей, писательских дочек и мужей дочерей писателя. Понятно, что люди, профессионально работающие со словом, способны создавать самые забавные неологизмы. Но направление, в котором работает творческая мысль, в высшей степени характерно.

Слушатель анекдота прекрасно дифференцирует стихийные бедствия и закономерные последствия человеческих поступков. Однако в идеальном пространстве анекдота, а анекдот неотделим от коннотаций праздника, низовых версий райского бытия, Страны Дураков³, он жаждет трактовки воздаяния как бедствия, ибо за таким пониманием воздаяния стоит прощение и отпущение грехов. Так анекдот раскрывается не только как локальная, свернутая версия идеально-праздничного бытия, но и как пространство психотерапии.

А теперь зададимся вопросом: каким образом язык конструирует знак высшей опасности? Откуда, из какого пространства пришел в мир «Пиздец Всему»? Известное дело, он родом из вагины. А где истоки силы, которая ему успешно противостоит? Это мужской член. Здесь для нас раскрывается следующий уровень исследуемого сюжета, в котором мир предстает как космическая драма борьбы мужского и женского начал.

Мы выяснили, знак высшей опасности восходит к женскому началу, а знак-оберег, сила, закрывающая от этой опасности, — к мужскому. Но этого мало. Как раскрываются эти начала в космосе ненормативной лексики? Поскольку, как нам представляется, анекдоты сочиняют, рассказывают, слушают и интерпретируют чаще всего мужчины, начнем с мужского рода. Но прежде сформулируем несколько принципиально важных положений.

I. Смысл является первичным элементом культуры.

II. Сама культура есть система всеобщих принципов смыслообразования и самих продуктов процесса смыслогенеза. Принципы смыслообразования и результаты этого процесса (идеальные и овеществленные) составляют пространство культуры⁴.

³ «Соленый» анекдот — одна из самых демократических, низовых форм словесности. Он близок крестьянской свадьбе и коврику с лебедями.

⁴ Теоретическая концепция культуры, базирующаяся на этих положениях, развернута в монографии

В такой теоретической перспективе исследование характера смыслообразовательной парадигмы, изучение ее специфики приобретает ключевое значение для понимания природы любой конкретной культуры. Итак, мужская смыслообразовательная парадигма строится следующим образом. В основе лежит корневой элемент «хуй», несущий достаточно широкое поле смыслов, связанных с профанированием, отрицанием, обесмысливанием, опасностью и другими негативными коннотациями. С другой стороны, этот корень вбирает в себя смыслы, связанные со значимостью, непостижимостью, удивительностью и др. С помощью афиксов и флексий образуются новые слова. Далее, объединяя их с другими словами, можно выстраивать устойчивые выражения:

«хуйня»;
«хуёвина»;
«охуеть»;
«хуй его маму знает»;
«хуякнуться» (в значении упасть, разбиться);
«на хуя?»;
«ни хуя себе!»;
«хуй чего получится» и т.д., и т.д.

В результате появляются конструкции с весьма широким семантическим полем, так что точное смысловое пространство вырисовывается из контекста. Но, за немногими исключениями (так, слово «хуёвина» совершенно утратило какие-либо ценностные коннотации и обозначает некую неопределенную вещь), в этих конструкциях присутствует некоторая положенность, аксиологическая выделенность. Часто отрицательная. К примеру, выражение «на хуя?» можно перевести как «зачем?». Но «на хуя?» не тождественно нейтральному «зачем?», а несет в себе посыл относительно бессмысленности того, по поводу чего задается вопрос. Конструкции «похую» и «все похую» — из этой парадигмы. «Похую» обозначает идею субъективной невосприимчивости относительно возможных внешних воздействий. А «все похую» — высшую, превосходную степень такого отношения.

Можно вспомнить не слишком давно (в 1970-е годы) возникшее производное существительное «похуизм», выражающее жизненную позицию, которая лучше всего характеризуется выражением: «мне все похую».

Сопоставим результаты наших наблюдений с симметричной парадигмой, в которой смыслообразование идет с использованием табуированного обозначения женских гениталий. Принципы формирования слов и устойчивых выражений совпадают. Однако женская парадигма представляется более бедной. В рассматриваемой совокупности в глаза бросается выражено негативный характер возникающего смыслового поля:

«распиздяйство» — безответственность, наплевательское отношение к жизни;

Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. — М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1998.

«спиздить» — украсть;

«пиздеть» — лгать, безответственно трепаться; производное от глагольного существительного — «пиздеж»⁵.

Добавим, «пиздеть» — не просто лгать, но лгать нагло и беспардонно. В случае заурядной лжи точнее сказать «попизживает».

В этом месте вспоминается трогательный анекдот: «Свалились в яму медведь, волк, лиса и заяц. Волк говорит: «Давайте, чтобы не скучно было, играть в карты. Только не жульничать. А того, кто будет жульничать, — наглой рыжей мордой об стол». Волк (заметим, зверь, выражаемый в русском языке существительным мужского рода) не показывает ни на кого пальцем. Но есть в его речи что-то, что позволяет реконструировать ожидания этого симпатичного нам хищника. Ненормативный русский ведет себя точно так же. Ни говоря худого слова, он просто увязывает вызывающе наглую ложь с символом женской природы.

Женские гениталии служат для выражения идеи убогости, психической и умственной неполноценности — «пизданутый», «с припиздью». Отметим, что в симметричной, то есть мужской, парадигме этот смысл отсутствует. Синонимичное понятие можно обнаружить в парадигме полового акта — «ебнутый», «ебанашка». Как видим, язык устойчиво увязывает женское начало с ложью, изменой, воровством, безответственностью и убожеством.

Можно вспомнить и некоторые другие примеры. Например, «пиздобратия» — пренебрежительное обозначение группы людей, восходящее к представлению об обретении родства через обладание одной женщиной. Однако они не меняют общей картины. Можно выделить самостоятельный блок специфически оскорбительных конструкций. Таких как «пиздюк», «пиздорванец». Отметим, что в мужской парадигме обнаруживается симметричный этому блок. К примеру — «хуесос». К названному типу конструкций относится использование женских гениталий для «посылания», то есть оскорбительной отсылки адресата в непечатное пространство. Все эти построения менее продуктивны с точки зрения порождения новых смыслов и в рамках настоящего исследования особого интереса не представляют.

Кроме того, в некоторых достаточно узких контекстах «пиздец» («пиздец всему») может читаться и как выражение предельного, убийственного качества. Характеристика «пиздец всему» применима, например, к установке залпового огня или спортивному автомобилю. Здесь мы сталкиваемся с известной в культурологии симметрией процессов смыслопорождения. Когда вслед за выстраиванием иерархии понятий одного аксиологического поля «сама собой» возникает симметричная ей иерархия с противоположной аксиологией. При этом слово, обозначающее ранг, иерархический уровень, качество, сохраняется, а аксиологическая модальность меняется на противоположную. Так, вслед за напряженно выстраиваемой ангельской иерархией возникает соответствующая иерархия демонических сил. А «Великому Князю и Госуда-

⁵ «Пиздеть» — достаточно старый ненормативный глагол. Любопытно, что через русскую эмиграцию в форме *pe pizdi* pa он вошел во французский язык.

рю нашему» соответствует Князь Тьмы⁶. В нашем случае вторая иерархия производна от первой, моложе ее и уже.

Не менее выразительна парадигма устойчивых выражений. Кроме упомянутого «пиздеца всему» здесь можно привести аналогичное в смысловом отношении «пиздой накрыться» (потерпеть крах). На соседнем семантическом поле лежит выражающая идею тупика, бесперспективности дальнейшего движения конструкция «пизда рулю». Императивное «пиздуй отсюда» в значении «проваливай» также связано с идеей движения. Обращает на себя внимание юмористическая, как представляется, конструкция «по пизде мешалкой», которая явно апеллирует к зрительному воображению слушателей. А также блок устойчивых выражений, объединяемых общностью порождаемого смыслового поля:

«не пришей пизде рукав»;

«ни в пизду, ни в Красную армию»;

«до пизды задвижка»;

«пизда с ушами».

Специального комментария заслуживает последнее из приведенных нами выражений. Оно пришло в русский язык из пространства «черты оседлости». К празднику Пурим в традиционной еврейской семье пекут особое печенье треугольной формы с маковой начинкой, которое называется «гоменташ» или «уши Омана». Однако в памяти народа сохранилась и другая семантика обозначенного нами ритуального лакомства. В вавилонской или персидской традиции это печенье называлось «лоно Астарты». Понятно, что наложение ушей и лона порождает комический эффект, что и фиксируется в конструкции «пизда с ушами».

В нормативную лексику все эти выражения можно транспонировать как «ни туда, ни сюда», как выражение идеи нелепости, бессмысленности, полной несообразности чему бы то ни было. Одним словом, «не пришей пизде рукав». Как видим, женская смыслообразующая парадигма не только беднее количественно, но существенно уже в смысловом отношении. Если мужская аккумулирует смыслы, связанные с табуацией, опасностью, невозможностью, а также полем разнообразных амбивалентных коннотаций (значимостью, непостижимостью и т.д.), то женская сводится к выражению убожества, лжи, воровства, безответственности. Затем — несчастья, краха и опасности, а также идее смешного, нелепого и бессмысленного.

Последнее смысловое поле отсылает нас к непосредственному образу женских гениталий как символа смешного, не-лепого (от слова «лепота» — красота) и бессмысленного. Эти представления нашли свое закрепление в выражении «Не смей пизду, она и так смешная». Здесь мы еще раз сталкиваемся с *патриархальным, ориентированным на профанацию женщины* характером традиционной культуры. В ненормативной модели языка женское начало предстает как одностороннее и неспособное к богатому смыслопорождению.

⁶ Подробнее см.: Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. — М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1998.

Спектр новых смыслов достаточно узок. Наконец, эти смыслы разительно отличаются от мужской парадигмы в аксиологическом отношении. Все они лежат в поле негативных коннотаций. В связи с этим вспоминается пассаж из трактата Эразма Роттердамского «Похвала глупости», в котором знаменитый гуманист рассуждает относительно того, что рождение человека связано не с таким достойным и серьезным органом, как ухо, но с частью тела, которую упомянуть без смеха невозможно. При этом Эразм имеет в виду мужской член. Вот она — разница между низовой культурой России и Европы. Для представлявшего германский север Эразма, как и для представлявшего латинский юг Европы Рабле мужские гениталии смешны (вспомним словесную игру: «блудодей тонкий, блудодей звонкий», но — «блудодей трухлявый, блудодей шепелявый» в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»). Для россиянина мужские гениталии протестически многообразны и амбивалентны. Они:

грозны — «стучать хуем по столу»;
 великолепны и совершенны в функциональном отношении — «хуй дубовый», «хер моржовый»;
 поразительны, выражают идею аффектации — «охуеть!» (от волнения, удивления, радости);
 значительны и удивительны — «ни хуя себе!»;
 выражают идею неизвестного, непонятого и непостижимого — «хуй его знает»;
 выражают идею индифферентности — «похую», «ну и хуй с ним»;
 служат для выражения предельности некоторой характеристики — «охуительная» (красота, высота, глубина)⁷;
 соотносятся с идеей энергичного (целенаправленного, успешного, эффективного) выполнения некоторого действия — «хуярить»;
 выражают идею невозможного, недостижимого — «хуй-то», «хуй в сраку», «накося выкуси», наконец, «пососи».

В то же время связаны с профанным в широком смысле:
 выражает идеи глупости, бессмыслицы, ненужности — «хуйня», «полная хуйня», «хуй знает что»;
 несут идею дискомфорта, плохого качества, тяжелого морального и психологического состояния, неблагоприятного течения дел — «хуёво» («с бодуна», по жизни, после болезни и т.д.).

Наконец, служат для «посылания» — описанной в параллельной парадигме оскорбительной отсылки к гениталиям.

Одним словом, мужские гениталии выражают все, что хотите, но никак не смешное. В крайнем случае, они смешны в самую последнюю очередь. Перед нами выражено патриархальная культура, в которой мужская точка зрения доминирует, женщина профанируется, а процесс словообразования составляет привилегию мужчины.

⁷ Заметим, здесь (так же как и в случае с негативно коннотированными конструкциями «пиздатый» и «с припиздь») симметричное выражение обнаруживается в парадигме полового акта. Это — «забательская» и «забись».

Эта смысловая диспозиция восходит к седой древности. «Хуй» — сущность изначально амбивалентная. Слова «мудрец» и «мудак» производны от общего древнего корня «уд» — половой член и являют собой сакрализованную и профанизованную версию одного понятия, обозначающего носителя (обладателя) мужского члена. Совершенно иное дело с вагиной. Здесь положительные коннотации просто не обнаруживаются.

Истины ради надо привести одно выражение, выпадающее из описываемой логики словообразования. Не так давно информант из Комсомольска-на-Амуре сообщил конструкцию «охуительно пиздясто», бытующую на Дальнем Востоке. «Охуительно пиздясто» выражает сумму положительных характеристик. В Европейской России эта конструкция нам не встречалась. Можно предположить, что перед нами либо локальная форма, либо молодое, входящее в язык выражение. Оно интересно не только тем, что знак женской природы оказывается выразителем позитивных смыслов, но и тем, что мужские и женские гениталии безо всякого ценностного или позиционного противопоставления объединяются в единой конструкции. Возможно, мы сталкиваемся здесь с нарушающим общую логику исключением. Либо ненормативный русский фиксирует процессы переосмысления роли и статуса мужчины и женщины в космосе отечественной культуры.

Идем далее. В языке не содержится каких-либо указаний относительно эстетической оценки мужского члена. Что же касается вагины, то она предстает знаком бесформенного и безобразного. А что по существу? Лепая или не-лепая? Вот в чем вопрос. Если отрешиться от установок, энергично навязываемых культурой, прежде всего традиционной, и задаться проблемой эстетической оценки гениталий (не важно, мужских или женских), то придется признать, что сами по себе они естественны, как лодыжка, не более того. И, стало быть, в зависимости от конкретной ситуации могут порождать те или иные эстетические переживания. О чем, к примеру, свидетельствует искусство девятнадцатого — двадцатого веков. В нем мы можем обнаружить образы гениталий, решенные как величественные и прекрасные (Обри Бёрдслей). Можно найти решения анатомически нейтральные (казенное советское изобразительное искусство). А можно — отталкивающие неэстетичные (Эгон Шиле).

Ровно так же разрешается вопрос о том, смешны ли гениталии. Смех при созерцании «срама», обнаженного вне разрешенных культурой ситуаций, — диктуемая культурой и объяснимая психологически реакция на факт нарушения табу, в которой содержится одновременно оценка и факта, и личности нарушителя. «Ехал на ярмарку Ванька-холуй, За пять копеек показывал хуй». И это, разумеется, смешит. А человек, подглядывающий за раздевающейся женщиной, которая о том не ведает, осмеянию не подлежит. То есть гениталии смешны не сами по себе, но провоцируют смех, будучи предьявлены, упомянуты в особых, санкционированных культурой ситуациях и контекстах. Сами по себе, вне заданных культурой реакций, они не более смешны, нежели ухо или гортань. Между тем культура покрывает эти сущности общим

образом смешного и особенно фиксируется на вульве, превращая ее в символ смешно-бесформенно-нелепого.

Если же вернуться к женским гениталиям, то обнаружится, что высмеивает и профанирует их российский мужик, *оттого, что боится*. Вульва связана с идеей о вредоносном характере и особой опасности ее для мужчины. А это, в свою очередь, связано со страхом оскопления как универсальной, антропологически заданной мужской фобией. Сумма названных культурных смыслов раскрывается в выражении «пизда с зубами». В классической работе Владимира Проппа «Исторические корни волшебной сказки» дается описание этого любопытного феномена архаического сознания, где бытовали представления, в которых вагина выступала именно с зубами. Соответственно, перед мужчиной вставала задача обезвредить ее, перед тем как овладеть женщиной⁸. Добавим, что здесь речь идет о достаточно универсальной идее, представленной в фольклоре других народов и дожившей до двадцатого века в жанре юмористической сказки. Автору довелось видеть мультипликационную порноверсию «Сказки о Спящей красавице». Там фигурировала злая колдунья, соблазняющая доверчивых прохожих. В момент оргазма вагина колдуньи обростала зубами и схрупывала несчастных. Приключения злодейки закончились встречей с сообразительным героем, заложившим в предательское лоно заряд взрывчатки. Вот то пространство, в котором действует и определяет себя наш герой, — рассказчик и слушатель анекдота. В этом мире конфликтно взаимодействуют две подлинно космические стихии. Одна — богатая в своих потенциях и природенная. Другая — однобокая и иррационально опасная. В перипетиях борьбы данных сущностей пролегал частная судьба героя. То есть объекта отождествления.

В этом мире его подстерегает опасность. Она стихийно-иррациональна и неподвластна человеку. Кроме того (а на самом деле именно поэтому), связана с женским началом. Где же спасение? В своем мужском естестве. «Все похую» задает координатный ноль, точку отсчета. И этой точкой становится член, с позиции обладания которым все передраги — ерунда. Следующий вопрос: для какой возрастной категории наиболее характерен такой ход мысли? Перед нами подросток, только-только переживший инициацию. Именно подросток уже знает об ответственности за содеянное и, более того, вошел во вкус совершать поступки, в результате которых приходится ожидать «пиздеца всему». Но протестует против порядка вещей, когда за содеянное надо отвечать. А потому представляет воздаяние как стихийное бедствие и ищет спасения в том факте, что он уже взрослый мужчина, полноценный членосец, надеясь отмахаться предметом своей гордости от всех невзгод. Таковы тайные чаяния нашего героя. И анекдот отвечает ему согласием. «Все Похую» побеждает. Разумеется, победить «Пиздец Всему», вообще говоря, невозможно. «Пиздец», великий и ужасный, неустраним. Речь идет о частной, но такой важной, победе. Победе здесь и теперь. «Все Похую» победил, ибо оказался

⁸ По-видимому, в формировании этого комплекса идей сказывались также достаточно устойчивые архаические представления о родильной и месячной нечистоте женщины.

неуязвим. «И тьма его не объяла». Вот где кульминация, освобождение. Катарсис и просветление. Отсюда — взрыв радости и веселье слушателей.

Так лежащий за гранью нормативной лексики современный анекдот раскрывается как изоморфная мифу структура. Как выражение скрытых тревог и упований культурного субъекта. Одновременно нам раскрываются базовые характеристики массовой ментальности; раскрывается суть культуры, в которой живет анекдот. Это:

патриархальность;
доличностный характер;
инфантильность, нежелание расстаться с безответственностью, сохранение ее как затаенного идеала.

Культура, субъекту которой присуще:
профанирование и демонизация женщины;
страх перед женским началом, увязывание его с иррациональной опасностью;

а также последняя надежда на свою мужскую природу, понимаемую как сила-оберег.

А теперь — о самом главном. Зададимся вопросом общего порядка. Почему «Язык без мата, как ши без томата»? Почему, вопреки нормативной модели, мат пронизывает речевую практику, присутствует во всех срезах и на всех уровнях культуры? Почему включения ненормативной лексики сообщают речевому потоку особую энергию? Переводят коммуникацию в какой-то другой план. Объединяют говорящего и слушателя. Почему язык простого народа (иными словами, людей целиком или по преимуществу принадлежащих фольклорной стихии) — и стариков и детей, и дома и на работе, и в горе и в радости — насковзь пронизан матом? Так, что при изъятии последнего коммуникация рассыпается. Почему в народной среде (да только ли в народной) мат связан с веселым оживлением, сплавлен с шуткой и праздником.

Пора, наконец, сказать правду. *Русский мат — форма бытования языческого сознания в культуре, рассматривающей себя как монотеистическая.*

Вглядимся в неолитических Венер с их гипертрофированными половыми признаками, посмотрим на деревянные и каменные фаллосы. «Хуй» и «пизда» выступают в двух ипостасях. На поверхности, это обозначения мужских и женских гениталий. Но прежде всего — наименования Рода и Рожаницы. Этих божеств, космических стихий, двух ипостасей единой сущности — вечного, несотворимого и неизменного *Рода*, пролегающего из прошлого в будущее и творящего все сущее.

«Ебать» — не столько обозначение эмпирического совокупления, сколько отсылка к мистерии соединения мужской и женской космической стихии. Вечного совокупления, творящегося в пространстве трансцендентного и оборачивающегося рождением и смертью всего и вся.

Запрещение язычества привело к профанированию сакральных сущностей и табуации имен. Родовое мироощущение ушло (прежде всего, но не только) в та-

буированную лексику в эротическом, зашифрованном, виде развернулось безграничное культурное пространство. В огромный мир язычества-после-язычества. И каждая встреча с запрещенным, народным, близким и единственно освоенным — всегда праздник.

Говорящий «хуй его знает» или «ну и хуй с ним» не имеет в виду чьих бы то ни было гениталий. Мы знаем, какие конструкции калькируют эти высказывания. Он поминает Рода и отсылает к его величию. На самом деле понятия «охуительно» и «божественно» синонимы. Разница между ними состоит в том, что в слове «божественно» отсылка к сакральному затерлась, а в слове «охуительно» жива.

Люди из образованного общества поразились тому, что крестьяне сами «учат детей блядословию». Поразились, поскольку не постигали целей и смысла. Приобщая ребенка к миру мата, крестьянин погружал его в травестированный, зашифрованный мир язычества. Воспроизводил завещанный предками космос.

Носитель догосударственного архаического сознания тоскует в пространстве государственности. Даже самой рыхлой и архаической. Рвется прочь из истории и цивилизации. Мечтает об Опонском царстве родовой общины или военной демократии. Здесь мы сталкиваемся с другой гранью той же самой коллизии. Язычник тоскует в мире, смоделированном вокруг монотеистической доктрины. Он создает заповедное пространство, куда помещает свой, то есть языческий, космос. И каждая встреча с ним — улыбка из детства, радость переживания самого близкого, единственно природного.

Если посмотреть на практику использования мата, в глаза бросается явная гендерная асимметрия. Мальчики матерятся практически все. Девочки несравненно реже и начинают использовать ненормативную лексику позже. Взрослые мужчины — все, за редкими исключениями. Женщины — избирательно, причем некоторые не только избегают использовать мат в собственной речи, но и не воспринимают его вообще. Старики — все, пожилые женщины — избирательно. Причем деревенские старухи матерятся чаще и охотнее, чем взрослые женщины. Это наводит на мысль о связи мата с языком мужского дома, запретным для женщины. Позже — ритуальный язык служителей магических культов плодородия. Причем культ был чисто мужским. В реакции на мат есть какая-то отсылка к запретному языку.

Для язычника вся сфера репродуктивного — не только мир плотских радостей, но и пространство соприкосновения с трансцендентным, животворящим, *радостно божественным*⁹. В этом — коренное отличие языческого и христианского бога. Христианской спиритуальности и аскезы от языческого радостного жизнелюбия. Не зря Церковь веками вела борьбу на уничтожение с миром традиционной сексуальности. Загоняла ее в жесточайшие рамки,

⁹ Половой акт связывает язычника с трансцендентным, приобщает его к Роду. В нем обязательно присутствуют культурные смыслы тантрического характера.

обставляла массой запретов. Оставляла для половой жизни добродетельного христианина не более пяти-шести дней в месяц. Регламентировала формы и способы половой жизни. Предписывала: как, когда, с кем, в какой позиции и сколько раз. Заколачивала в сознание *исполнение супружеских обязанностей* («плодиться и размножаться, прославляя имя Божье») как единственно возможную модальность сексуальной жизни. Делала все, для того чтобы секс не превратился в сладкую страсть, «способную по своей силе затмить главное — любовь к Господу и веру в Спасение»¹⁰. Здесь проходил один из главных фронтов борьбы с язычеством. И эту битву Церковь проиграла. Изменить сексуальную этику и повлиять на практику половой жизни Церкви в той или иной мере удалось. Но это не затронуло базовых оснований мироощущения. Язычество, как потаенный праздник, ушло в язык.

Генетические корни бытового мата восходят (в частности) к истории русского скоморошества. Профессиональные носители смеховой культуры были признанными виртуозами сквернословия. «В древнерусском двоеверном обществе скоморохи были служителями великих магических культов, связанных с плод- и детородием» (Забияко А.П. История древнерусской культуры. — М.: «Интерпракс», 1995. С. 208.). С победой христианства прямо вырастающая из языческого ритуала культура скоморохов оформляет и сохраняет традицию ритуального сквернословия. Как отмечал академик *Александр Панченко*, русские источники постоянно порицают «веселых» за то, что они используют «матерный лай» как своеобразный корпоративный и обрядовый диалект. «Задача православного попа — побуждать пасомых к слезам, потому что слезы и покаяние необходимы для спасения души. Скоморох заботится о телесном благополучии, о плодovitости человеческого племени и плодородии земли», — пишет Панченко (цитируется по упомянутой монографии Андрея Забияко, с. 209).

Культура нового времени сгубила скоморошество. Со второй половины семнадцатого века государство ведет с ним борьбу на уничтожение. Однако уничтожение социального института не означает исчезновение его духовных оснований. Экзистенциальная потребность в мироощущении, хранителями которого выступал скоморох, осталась. Оно всплывает в свадебной обрядовости, лубке, «заветной сказке», кабацкой песне, в петрушечном театре и творчестве ярмарочного деда-завывалы. Видимо ярмарка, тихо угасшая на рубеже девятнадцатого — двадцатого веков, была последней формой бытования культурно выделенного пространства, в котором актуализуются смыслы языческого ритуала, сохранившие связь с древней традицией и действуют профессионализированные носители этой культуры. Урбанистическая культура нового времени снимает ярмарку. С этого момента культура мата растворяется в общей стихии разговорного языка.

¹⁰ Пушкарева Н.А. Сексуальная этика и частная жизнь древних русов и москвитов (X—XVII вв.) // Секс и эротика в русской традиционной культуре. — М., 1996. С. 73.

Здесь надо сказать о том, что сходные процессы происходили в культуре Западной Европы. Для человека латинского мира табуированная лексика так же несет в себе отсылку к язычеству. Последовательное вытеснение языческого мироощущения и закрепление его в определенных пластах языка носило более или менее универсальный характер. Специфичными оказываются итоги: та конфигурация языка, речевой практики и встающей за этими сущностями ментальности, которая сложилась в каждой из локальных цивилизаций. Для Эразма и Рабле мужской член прежде всего смешон. Для современного русского языка «хуй» безграничен и неисчерпаем, но смеха над актуальными святынями (не важно, осознанными или не осознанными) культура не признает. И это различие смыслов и положенностей свидетельствует о качественной и стадийной дистанции между Россией и Европой. Однако компаративистика ненормативного пласта культуры — огромное проблемное поле, заслуживающее специального исследования.

Культуре свойственно обманывать людей. А людям так хочется заблуждаться относительно себя самих. Язык — эмпирический, тот, что у нас во рту, — возможно, и дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Однако язык разговорный, язык как универсальная моделирующая система, раскрывает истину о нас самих, нашем сознании и подсознании во всей полноте.

Культура русского мата, ее сущностные характеристики, место и роль того универсума, который выстраивается с помощью ненормативной лексики, свидетельствует нам о характере ментальности. О месте и роли язычества в нашем сознании. Извержение же этой неоглядной сферы из нормативной модели мира¹¹ вскрывает стадийные и сущностные характеристики российской цивилизации.

Первая публикация: М.: Новое литературное обозрение, 2000, № 3 (43), с. 335–346.

¹¹ Заметим, что борьба с матом носит циклический характер. Приступы борьбы за чистоту языка, столь же бесплодные сколь настойчивые, охватывают периодически российских администраторов, идеологов и законодателей. Естественно, что вся эта мышьяная возня никак не влияет (и не может повлиять) на речевую практику. Глубинная цель таких кампаний в другом — подтвердить верность предзаданной, средневековой по своей природе норме.

БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ ТРАДИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ:

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Познающая мысль постоянно бьется над разрешением противоречия, которое состоит в том, что, формируя обобщающие понятия и идеальные модели, описывающие сложные и многозначные сущности, мы с необходимостью генерализуем тенденции, схематизируем структуры, создаем идеальные модели, более или менее гомоморфные, но не изоморфные сложной и внутренне противоречивой реальности. Добросовестный исследователь, работающий с крупными идеальными моделями, неизбежно сталкивается с тем, что реальность, описываемая в этих моделях, сложнее и внутренне противоречивее, нежели обобщающие идеальные представления. В таких случаях масса фактов, процессов и тенденций не вписывается или даже противоречит генерализующим суждениям. Поэтому теоретическая мысль пребывает во внутреннем противоречивом диалектическом процессе: с одной стороны, она стремится обобщать безграничное многообразие мира, формируя мощные познавательные категории, с другой — дробит эти целостности, выделяя в них отдельные тенденции, процессы и феномены. Меняя точку зрения, задающую познавательную позицию и уровень абстрагирования, можно сформировать понятийный аппарат, способный описать мир в его внутреннем единстве и противоречивом многообразии.

Все это имеет прямое отношение к феномену культуры. Понимание культуры как целостности — одно из достижений познающего сознания. Познавая законы возникновения, формирования, развития культуры, мы постигаем мир. С другой стороны, культура человечества, и всякая конкретная культура, представляет собой сложнейшее системное единство, в котором присутствуют субъекты и акторы самого разного порядка, реализуются противоречивые тенденции, происходят сложнейшие взаимодействия между разными элементами и уровнями этого целого. Разные элементы и уровни культуры особым, присущим только им образом взаимодействуют с социальным и природным контекстом, в который погружена культура. И только в диалектике всех этих взаимосвязей выстраивается результирующая линия развития культуры.

Предмет нашего исследования — восходящая к античному миру культура Ойкумены, которая складывается на рубеже нашей эры и со временем обрета-